

Минну все еще сжимал рукав Цзянь Сюэхэ. Когда он краем глаза разглядел выведенные на бумаге слова и заметил, что взгляд старшего прикован к тому же месту, его лицо мгновенно залила жаркая краска.

Ему ведь было вовсе не четырнадцать. Он уже прожил одну жизнь и погиб, а если прибавить годы прошлого воплощения, то в сумме выходило девятнадцать — в таком возрасте юноша прекрасно понимал, что именно изображено на этих страницах.

— Брат Хэ, прости, — Минну тут же разжал пальцы, заметив, что Сюэхэ недоволен.

До ушей донесся перестук копыт, и толпа вокруг зашевелилась, уступая дорогу. Пересилив стыд, Минну торопливо подобрал с земли злополучный трактат, засунул его обратно за пазуху и разгладил помятые листы.

Цзянь Сюэхэ опустил руку. Даже заметив непристойную книгу, он не стал задавать лишних вопросов. Минну молча прижимал к груди свое тайное сокровище всю дорогу до постоянного двора.

Поздним вечером, оставшись один в комнате, Минну принялся листать страницы. Трактаты о самосовершенствовании, что продавались в мире смертных, содержали лишь самые поверхностные сведения.

Прочитав книгу от корки до корки, он уяснил главное. У него не было духовных сил, к тому же лучшее время для заложения основ совершенствования было безнадежно упущено. Чтобы подняться хоть на ступень, теперь придется трудиться вдесятеро усерднее остальных, да и на легкий успех рассчитывать не стоило.

Похоже, предел, на который он мог надеяться — пятая или шестая ступень. Для обычного человека это и так невероятно много, а о большем и мечтать нечего.

«Но даже пятая или шестая ступень — это все равно куда лучше, чем оставаться беззащитным обывателем», — рассудил он про себя.

Успокоившись, Минну заучил на память несколько описанных в трактате техник.

Конечно, все эти приемы еще требовали проверки. Но стоит ему добраться до Академии Пути Меча, как он получит доступ к настоящей библиотеке и сможет отыскать нужные труды.

На следующее утро они приготовились к отъезду. Спускаясь по лестнице, Минну приметил шумную толпу, обступившую доску объявлений. Повинуясь любопытству, он протиснулся поближе, чтобы заглянуть через чужие плечи.

На доске висели два свежих указа о розыске. Разыскивали того самого юнца, что вчера средь

бела дня едва не растоптал пешеходов на рыночной площади. Вспомнив, как сам чуть не угодил под копыта его скакуна, Минну взгляделся в портрет. Черты лица скрывала маска, однако художник сумел передать разрез глаз — слегка изогнутых, точно лепестки дикого персика. Сквозь штрихи дешевой туши явственно сквозила надменная, дикая дерзость.

— Молодой господин Минну? — позвал его Хуайли.

Минну поспешно отвел глаза. К этому времени он уже переоделся в свое привычное скромное платье. На сей раз Хуайли нанял лишь один экипаж, а значит, весь долгий путь Минну предстояло делить с Цзянь Сюэхэ.

— Молодой господин Минну, впереди лежит Яшмовый лес, — негромко предупредил слуга. — В последнее время там случилось несколько загадочных убийств. Место недоброе, держитесь настороже.

Минну согласно кивнул — он прекрасно понял, что Хуайли просит его не отходить далеко и не совать нос куда не следует.

— Если заметите что-то странное, — добавил Хуайли, — немедленно говорите мне или молодому господину Хэ.

Экипаж неспешно покатыл по каменистому тракту. Цзянь Сюэхэ, устроившись у окна, безмолвно созерцал проплывающий мимо пейзаж.

Приютившись в самом углу сиденья, Минну не выдержал затянувшейся тишины:

— Разве в Яшмовом лесу беснуется нечисть?

— Поговаривают, после тех смертей туда уже наведывались заклинатели, — ответил снаружи Хуайли. — На какое-то время все затихло, но теперь беда вернулась с новой силой.

— Яшмовый лес раскинулся у подножия Божественной горы, на теневом склоне. Солнце туда почти не заглядывает, оттого и скапливается темная энергия инь. Испокон веков эти дебри славились свирепыми, могущественными призраками.

Пока слуга рассказывал, порыв ветра приподнял плотную занавеску. Снаружи стеной стояли вековые акации. Небо стремительно меркло, словно навалились сумерки, а тяжелые, узловатые ветви тянулись к дороге, напоминая скрюченные костлявые пальцы мертвецов.

— Путь через эти чащобы займет не меньше суток, — долетел сквозь перестук колес голос Хуайли. — Так что ночевать придется прямо в лесу.

Минну поежился — сырой, липкий холод незаметно пробрался под одежду, впиваясь в кости ледяными иглами. Он инстинктивно вжался поглубже в угол, сдвигаясь ближе к Цзянь Сюэхэ. Исходящая от него едва осязаемая аура немного умерила озноб.

К вечеру путники спешили. Для ночлега Хуайли облюбовал заброшенный храм, затерянный среди деревьев. Древнее святилище давно пришло в упадок: потемневшие от сырости стены исчертили глубокие трещины, лик каменного божества стерся от времени, а полуразрушенная красная ограда сливалась с чернильной темнотой леса.

Огромное изваяние Будды, выступающее из полумрака, казалось зловещим и пугающе величественным. За порогом воцарился крошечный мрак, а беснующиеся на ветру тени деревьев походили на полчища голодных бесов. Не помня себя от страха, Минну придвинулся еще ближе к Цзянь Сюэхэ.

В центре святилища затрещал костер, разогнав густые тени багровыми отблесками. Робкое движение юноши не укрылось от Цзянь Сюэхэ — тот окинул его мимолетным, испытывающим взглядом.

Минну протянул озябшие ладони к пламени, чувствуя легкое раздражение под этим безмолвным взглядом. От жара щеки его порозовели, однако внутри по-прежнему все цепенело от стужи.

— Брат Хэ, как твоё самочувствие в эти дни? — решился он нарушить молчание.

Обычно они почти не разговаривали — Цзянь Сюэхэ умел заморозить любую беседу одним лишь взглядом. Минну уже приготовился к тому, что его вопрос попросту проигнорируют.

— Терпимо, — услышался лаконичный ответ.

— А как себя чувствует Минну? — Цзянь Сюэхэ повернул к нему голову, и в его глазах промелькнуло нечто похожее на пристальное любопытство.

Когда это имя слетело с губ старшего, у Минну по спине пробежал холодок.

— Со мной всё как обычно, брату Хэ не о чём беспокоиться, — поспешно заверил он.

— Вот как? Прежде ты казался мне иным, — обронил Цзянь Сюэхэ. В глубине его темных глаз дрожали янтарные отсветы пламени, а длинные ресницы отбрасывали на скулы резкие тени.

— Должно быть, брат Хэ просто запамятовал, — Минну с трудом выдавил улыбку. Сердце его бешено заколотилось, глухие удары отдавались в висках невыносимой болью.

Цзянь Сюэхэ безучастно отвел взор. Костер продолжал тихо потрескивать, а у самого входа устроился на дежурство Хуайли. Минну поспешил отодвинуться от своего опасного названного брата подальше.

Прислонившись спиной к шершавой стене, Минну забылся тревожным сном. Но глухая, ледяная дрожь вскоре вновь прокралась под ребра. Сквозь полусонную пелену он увидел багряную полу чужих одеяний и, не отдавая себе отчета в своих действиях, потянулся к спасительному теплу.

Ночи в Яшмовом лесу дышали могильной стужей. Накануне Минну вымок до нитки и теперь жестоко страдал от лихорадки. Он ворочался с боку на бок, тщетно пытаясь согреться. Цзянь Сюэхэ, разумеется, не мог не слышать этих беспрестанных вздохов и шорохов.

Впрочем, он и не думал вмешиваться — чужие невзгоды его никогда не трогали.

Минну припомнил, каким ледяным высокомерием веяло от этого человека при каждой их встрече. Сколько ни пытайся заговорить с ним, он оставался точно таким же, как и в его прошлой жизни — бесстрастным и отчужденным.

— Брат Хэ, мне очень холодно, — тихо позвал Минну, приоткрыв глаза.

Он придвинулся ближе к угасающим углям, ловя остатки тепла. Быть может, зная, как сильно Цзянь Сюэхэ презирает чужую навязчивость, он умышленно завел этот разговор, уставившись на него чистым, невинным взглядом широко распахнутых глаз.

Цзянь Сюэхэ приходился ему братом лишь на словах. В поместье Цзян каждый знал о непреодолимой пропасти между законнорожденным наследником и сыном наложницы. Кровные узы для старшего не значили ровным счетом ничего.

Слабый голос нарушил тишину заброшенного храма. Цзянь Сюэхэ медленно опустил ресницы и сухо бросил:

— До рассвета осталось три стражи.

Его ровный тон не обещал ни сострадания, ни тепла.

— Позволь мне сесть поближе к тебе? Возле брата Хэ теплее, — прямо попросил Минну. Он напустил на себя робкий, смущенный вид, а его бледные щеки тронул едва заметный румянец — то ли от жара костра, то ли от притворного стыда.

Сюэхэ в упор уставился на него. Минну затаил дыхание, в груди у него все сжалось от дурного предчувствия, однако собеседник не проронил ни слова — ни согласия, ни отказа. Будучи по натуре нелюдимым и неразговорчивым, Цзянь Сюэхэ внушал страх даже слугам, и мало кто

осмеливался тревожить его по пустякам.

Осторожно нащупывая границы дозволенного, Минну подвинулся еще на полвершка. Цзянь Сюэхэ никак не отреагировал — лишь снова смежил веки, хотя воздух вокруг него будто бы сделался еще морознее.

Минну украдкой рассматривал его профиль. Цзянь Сюэхэ был невероятно, пугающе красив. Окутанный багряными шелками, в полумраке древней обители он походил на пленительного призрака, явившегося забрать чужую душу.

Притворившись спящим, Минну склонил голову и прижался щекой к его плечу. В ту же секунду Цзянь Сюэхэ открыл глаза. Его тяжелый, пронизательный взгляд обратился на дерзкого юношу. Минну замер, почти перестав дышать, и не смел пошевелиться, изо всех сил сохраняя неподвижность.

Однако Цзянь Сюэхэ не стал его отталкивать. Яшмовый лес, пропитанный ядовитыми миазмами, в ночные часы становился сущим адом для простых смертных. Все, кто держал путь в Академию Пути Меча, происходили из именитых кланов и владели духовными техниками. Беззащитным обывателем среди них был, пожалуй, один лишь Цзянь Минну.

Прильнувший к его плечу подросток изрядно побледнел от холода, его кожа отливала нездоровой синевой. Он едва касался чужого плеча, напряженный всем телом, словно натянутая струна.

Из складок одежд Минну выбился уголок давешней книги. Скользнув по нему мимолетным взглядом, Цзянь Сюэхэ без труда прочел выведенные на обложке и первых страницах иероглифы.

Наутро Минну очнулся от тонкого, дурманящего аромата талого снега. Он лежал на чем-то удивительно теплом. Распахнув глаза, он увидел перед собой алую ткань, чистый белый ворот и безупречные очертания чужого подбородка... Оказалось, за ночь они сблизились настолько, что между ними не осталось и ладони расстояния.

Цзянь Сюэхэ безмятежно спал. Повинуясь внезапному испугу, Минну поспешно отпрянул назад и тут же застыл от изумления: завязки на его собственном поясе были небрежно распущены.

Дрожащими руками он принялся затягивать узел. Мысли путались. Он отчетливо помнил, как засыпал, прислонившись к плечу Сюэхэ. Неужели ночью, изнывая от стужи, он сам бессознательно залез к нему в объятия?

Почувствовав на себе чужой взгляд, он вскинул голову. К счастью, в этот момент с улицы вернулся Хуайли. Смятение от близости с Цзянь Сюэхэ немного улеглось — присутствие слуги избавило его от необходимости объясняться наедине с названным братом.

— Молодой господин Хэ, пришло послание от госпожи, — негромко доложил вошедший.

Минну уловил обрывки их приглушенного разговора. Будь он прежним наивным ребенком, наверняка загорелся бы глупой надеждой: вдруг матушка вспомнила и о нем? Вдруг в самом конце приписала хоть пару слов ласки? Раньше и этого пустяка хватило бы, чтобы сделать его счастливым.

Подавив горькие мысли, он до конца привел в порядок одежду. Пока Хуайли возился у очага, пристраивая над углями тушку дикого кролика, Минну достал из дорожного узелка вчерашнюю черствую лепешку. Но стоило ему сделать пару укусов, как он поймал на себе сочувственный взгляд слуги.

Юноше стало неловко. Кончики его тонких пальцев порозовели от смущения, а к горлу подступила невольная обида на собственную долю.

— Молодой господин Минну, кролика хватит на двоих, — мягко проговорил Хуайли. — А эти лепешки намокли еще вчера, когда мы переправлялись через реку. Не стоит их есть.

— Не ровен час, разболится живот.

Краска стыда залила лицо Минну. Тихонько угукнув, он торопливо спрятал недоеденный кусок обратно в сумку.

Сидевший напротив Цзянь Сюэхэ равнодушно скользнул по нему взглядом. Раскрасневшееся лицо Минну делало его черные глаза невероятно выразительными и блестящими, а обиженно сжатые губы выдавали крайнее недовольство.

Вскоре по храму разлился аппетитный аромат печеного мяса. Хуайли отделил лучшую половину кролика и протянул ее Минну. Растроганный такой заботой, юноша заметно приободрился и стал охотнее отвечать на расспросы слуги.

— Хуайли, мы уже сегодня доберемся до Академии?

— Если дорога обойдется без происшествий, к вечеру должны успеть, — отозвался тот.

— Вчера ночью здесь было так холодно... На горе, где стоит Академия, будет так же?

— Ну что вы, молодой господин. В этих чащобах веками копилась скверна, оттого здешний воздух и пробирает до костей. В Академии все иначе — там чисто, тепло и сухо, совсем как в родном Цзяньчжоу.

Минну послушно закивал. Болтать с добродушным Хуайли было куда приятнее, нежели

вытягивать слова из нелюдимого Цзянь Сюэхэ. Брошенный без внимания названный брат все равно молчал, поэтому Минну полностью переключился на слугу.

— Брат Хуайли, а можно еще вопрос? В Академии нас поселят вместе с молодым господином Хэ?

— Тут я не властен загадывать, — покачал головой Хуайли. — Все зависит от решения старейшин.

— Хотя, по обыкновению, учеников из одного клана стараются селить поблизости.

Дорожная повозка была тесной, и любой шорох внутри разносился отчетливо. Что уж говорить о Цзянь Сюэхэ, чей изошренный слух улавливал малейшие звуки.

Разделенный с ними лишь тонкой занавесью, Минну сидел снаружи рядом с возницей, оставив Цзянь Сюэхэ в полном одиночестве под кожаным верхом повозки.

Устроившись в полумраке экипажа, Цзянь Сюэхэ невольно прислушивался к долетавшим вздохам чужого смеха и бойкой беседы.

Надо же, не прошло и половины дня, а недавний слуга уже сделался для него «братом Хуайли».

<http://bllate.org/book/20439/2130989>